

Людмила Гаргун – об убийстве царской семьи

Фото: games-of-thrones.ru

Внештатный автор «Валуйской звезды» поделилась впечатлениями о поездке в Екатеринбург.

Сто лет назад в ночь на 17 июля произошло убийство царской семьи, самое страшное преступление в истории России, отразившееся на благоустройстве всего мира.

Царские дни, дождь, дождь... То ливневой волной берущий в плен всё вокруг, то печально тихий из беспросветных туч. Сама природа, кажется, оплакивает гибель российского императора, императрицы, пяти их детей и четырёх приближённых, верных им до последнего вздоха. Всю ночь бушевала непогода в канун крестного хода. По всей стране он прошёл в память о той вековой трагедии, разыгравшейся в Екатеринбурге. Приняла в нем участие и Белгородчина. Утро встретило паломников Валуйского Свято-Николаевского кафедрального собора тихой погодой, лишь чёрная туча над головой тревожила обещанием дождя. Со всей епархии съехались в храм богомольцы, несмотря на рабочий день недели.

Сияют паникадила, трепещут огоньки свечей, колокол осторожно колышет воздух, насыщенный влагой. Через весь собор в два ряда священство в красном облачении – прибыли из пяти районов епархии. Божий дом, поставленный в честь **300-летия династии**

Романовых, чествует память царя, оставшегося верным России и Богу до последнего вздоха.

На кафедре **епископ Валуйский и Алексеевский Савва**, идет литургия, то и дело взрываясь мощным пением священства. Единым духом, одной душой весь храм славит Господа, чит убиенных святых царственных страсотерпцев. Страшный, кровавый путь ими пройден. Не потому ли в Царские дни произошло чудо – на стекле иконы отразилось изображение Христа, распятого на Голгофе, и теперь каждый богомолец может ему поклониться.

До нас дошли записи в дневнике, оставленные мучениками в страшные дни заточения, среди них сообщение: дьякон вдруг во время богослужения за два дня до гибели, запел молитву об умерших «Со святыми упокой». Священник смутился нарушению устава, но подхватил. Царская семья опустила на колени. Так они подготовились к смерти, приняли погребальное напутствие. Немало мистического связано с теми событиями. Начало династии Романовых связано с Ипатьевским монастырем Костромы, в доме инженера Ипатьева Екатеринбург завершилась она. Мне довелось побывать в месте её гибели. Тогда, в **80-е годы**, город, носящий имя цареубийцы Свердлова, активно посещался ищущими Истину, в которую можно бы было поверить. К тому времени дом разрушили по повелению властей, чтобы прекратить паломничества.

«Мешал городскому транспорту, не на том месте стоял», – объявил нашей группе экскурсовод. Повел рукой, оглянулся на шоссейные просторы, уточнил растерянно: «А стоял вот тут, на этом месте» – и мне так живо представилась его стена, почему-то в серой побелке.

Здесь теперь возвышается Храм на Крови. В бывшем полуподвальном помещении, названном расстрельной комнатой, – алтарь.

«Он не закрывается, врат нет. Красным полыхает день и ночь оттуда. Встала я на колени перед ним, слёзы полились, такой благодатью опахнуло...» – тихо говорила молоденькая паломница, когда после литургии в нашем Свято-Николаевском соборе я присела возле неё.

Заговорили. Оказалось, она родом с Урала, недавно побывала в том святом месте. Спросила ее имя – назвалась матушкой Анастасией. Значит, жена священника. Слава Тебе, Господи! – свидетель ожившего гибельного места сам нашелся.

Двадцать две ступеньки вниз. В ту ночь было велено им спуститься в подвал, якобы для того, чтобы сфотографироваться. Царственные супруги, наследник Алексей, великие княжны, на руках младшей из них, Анастасии, – комнатная собачка. Сели, слева и справа – преданные им люди: доктор, повар, гувернантка, слуга, – не пожелавшие расстаться с семьёй. Пули летели бесперебойно, одна за другой, застревали в стене. Грохот стоял в подвале такой силы, что один он мог разорвать слабое сердце. Для убийства назначался отряд латышей, но они заявили: «Нанимались для охраны». Убивать отказались. Лишь один из них пошёл на преступление.

...Ермаков, Медведев-Кудрин, Войков, Белобородов, Голощёкин. Особо злобствовал Юровский, горя жаждой войти в историю как палач царя и его семьи. Анастасия и Алексей лежали в лужах крови, раненые, не убитые; их добивали штыками, свидетель – забрызганная кровью стена. Один из убийц выскочил из подвала, не выдержал взгляда раненого ребёнка. Долго новые хозяева России муржили иностранную прессу, не признаваясь в убийстве царя и его многодетной семьи. Очень хитро вёл дело Уралсовет, с опозданием направив телеграмму в Кремль.

– Убили царя Николая и его семью!.. – восторженно кричали мальчишки-продавцы газет в Питере, разносили любопытную новость. Поклёпы на святое семейство с легкой руки недругов быстро завладели умами населения малых и больших городов. Злоба, поглотившая династию Романовых, перекинулась дальше. Уничтожали не конкретных людей, а определённые классы, такова была установка свыше. Вначале дворянство, совсем недавно оно отреклось от царя. Теперь уничтожалось. Затем пришла очередь буржуазии. Ненависть вспыхнула и против крестьянства. Посыпались головы большевиков – старых и новых, и опять старых, подпольщиков, побывавших в ссылках. Градус ненависти поднимался все выше. Россию охватила Гражданская война, унесшая до двенадцати миллионов человеческих жизней. Рушились сверженные купола церквей... И забыто было недалекое прошлое, 1913-й предвоенный год.

То было время перемен: телефон, первые самолеты, железнодорожный транспорт, электричество – ему предстоит в корне изменить технологии, которыми столь гордиться станут устроители новой власти; достижения экономики, небывалый прирост населения, русские заселяли Сибирь. Но кое-кому нужно было устранить императора, как символ России и Православия. С опаской смотрела за граница на нашу страну: Россия обогнала Европу по многим позициям. И план ГОЭРЛО в разработке, тот самый, что даст электричество, обещающее новые технологии и социальные достижения стране, позже вздыбленной Советами. Среди главных учёных-физиков – Павел Флоренский. Вскоре его уничтожит Советская власть как представителя духовенства.

С восторгом и любовью встречал в 1913-м народ на вокзальной площади царя, прибывшего в Екатеринбург. А потом война, Первая мировая. В неё вовлечено **38 государств**. Россия оказалась в ней, помогая, как всегда, братьям славянам, на этот раз страдающим сербам. К тому же личный интерес в Турции, вожде́ланный выход в Босфор и Дарданеллы. В союзниках у россиян Великобритания, Франция, в неприятелях Германия и Австрия. На российском фронте перевес в успехах, что уже настораживает союзников: Россия не должна быть среди победителей, Великобритания должна сделать всё, чтобы в стране союзника совершилась революция, случился хаос.

Он произойдет, государственный переворот. Будут гневные выходы народа, требующие хлеба, когда в Питер завезут белый, вместо дешёвого чёрного. Будут всполохи возмущения и провокации, подлоги со стороны генеральского состава, трагедия кровавого воскресения...Февральская революция.

«Шаг за шагом встанет пережитое в ходе телевизионного марафона, посвященного 100-летию свершившегося в расстрельной комнате Ипатьевского дома. «Кругом измена, трусость и обман...», – говорил царь, приближаясь к своему отречению от престола.

Девятичасовой марафон объединил в ту ночь историков, профессоров, литераторов, студентов, поднявших архивы, доступные людям, раскрывшие всё скрытое, а теперь показавшее, как было на самом деле в те судьбоносные дни. И кто приказал убить императора, отрекшегося от власти, не представляющего никакой угрозы государству своим существованием. С горечью, болью говорили участники марафона, принимая произошедшее 100 лет назад, как свое личное, родное, касающееся каждого. И странно звучал диалог ведущего со студенткой.

«Значит, таков поворот истории, причем тут мои желания и мысли», – равнодушно пожимала плечом Анастасия, как ни пытался Аркадий Мамонтов, известный тележурналист, достучаться до её души. И все яснее становилось: в равнодушии студентки он видит черствость сердец, подобных ей, ведущему жалко их, и так хочется у равнодушных вызвать сострадание. Хотя бы к той девочке Анастасии, лежащей в луже крови, убиваемой штыками в подвале среди расстрелянных близких людей.

В течение девяти часов Москва и Екатеринбург в ту ночь были на связи. Телезрители всех регионов страны могли виртуально присутствовать на молебне, совершаемом на месте убиения святой царственной семьи, в Храме на Крови. Возглавил его Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл с архиереями Православной Церкви.

«Прошло время, когда тема мученичества царской семьи была под запретом, – сказал в своей проповеди Предстоятель. – Мы должны просить царя, его семью, чтобы они вознесли молитву пред Богом. Да минуют нас беды, выпавшие на долю нашим предкам. Это всех нас касается, в том числе и тех, кто считает себя посторонним в истории страны. Господь дал то, что пожелали люди. Хотели жить без Бога. Господь дал жизнь без Него, и люди упали в бездну, не увидев ни вождельённого хлеба досыта, ни свободы, ради чего предали царя».

17 июля, 2 часа 45 минут. Колонна от Храма на Крови двинулась в путь к месту уничтожения останков страстореппцев-мучеников. Ночь, трудная неровная дорога, более **100 тысяч человек** прошли крестным ходом, среди них паломнические группы из Сербии, Болгарии, Азербайджана, Казахстана, США, Великобритании, Германии, Австрии, Франции... Другие страны и города, в их числе Белгород. Это был путь в двадцать четыре километра, пройденный убийцами сто лет назад, чтобы в глухом месте скрыть свое преступление. Кислотой поливали убиенных, жгли, чтобы уничтожить следы преступления, сбросили в шахту. В память о царственных мучениках ныне на этом месте сооружен храм. Здесь крестный ход завершился молебном.

Всю ночь дождь за моими окнами тревожил мыслями о крестоходцах на далеком Урале и предстоящем шествии у нас, в нашей епархии. Чуть проснулась – включила православный канал ТВ. Ведущие – на посту, волосы мокрые, гладко зачесаны. Знать, и там была непогода.

Усталые лица одолевших километры пути. На переднем плане экрана притомлённый немолодой Предстоятель ведёт молебен. А потом состоялась литургия в нашем прекрасном соборе, связанном исторически с Домом Романовых. Многолюдье, необычная атмосфера, паломники с иконками, принесёнными из дома, и владыка, среди шеренг священников. И опять звон колоколов, созывающих на крестный ход, как на православное богослужение, где все равны, независимо от чина, должности, звания.

Утро без дождя, лишь черная туча встала на горизонте, угрожая ненастьем. Впереди казаки с крестом, хоругвями. Священнослужители блещут алым сиянием риз, за ними поспевают паломники-богомольцы. Главные иконы шествия – образ святителя Николая Чудотворца

и семьи царственных страстотерпцев, причисленных к лику святых. Предстоит пройти шесть километров за час по Никольской улице до храма в центре города. Быстрым шагом идет колонна. Едва поспеваю, вбираю в себя впечатления от нашего крестного хода.

«Всё возвращается», – вспомнилось тихое восклицание прихожанки в начале литургии, услышанное мною. Радостью единения и веры наполнена сейчас и колонна, спешащая на молебен в Никольский храм. У меня на груди икона Божией Матери «Знамение» на металле с позолотой величиной с ладошку, живой свидетель дней, выпавших на долю царя Николая II и его царственной супруги Александры.

С полей сражений Первой мировой дошёл до моей семьи этот образ, выданный родному деду, участнику той войны. Прибыв домой на побывку, он благословил им свою шестимесячную дочку Сашеньку, будущую мою маму. Вернувшись на фронт, унтер-офицер Донской погиб. Такую историю, связанную с образом, я знала с раннего детства, именно им получив материнское благословение на замужество. А от отца приняла в наследство особое почтение к последнему российскому императору, доставшееся ему, в свою очередь, от своего отца.

Мой дед проходил действительную службу в личном царском полку, вначале Александра III, затем Николая II. Демобилизовавшись, он всю оставшуюся недолгую жизнь как о близких людях вспоминал об императорах – их характерах, о том, как приветствовал каждый самодержец свой полк, отмечая невероятную скромность будущего святого страстотерпца.

«Братцами называл нас, вот и показали братцы истинное лицо», – сокрушался. Не довелось мне видеть деда Василия, задолго до моего рождения погиб в концлагере на Урале. А как удачно складывалась его жизнь по возвращении домой со службы.

Молодому хозяину, жителю Поволжья, выделили отрубное хозяйство в результате Столыпинской реформы и, трудясь от зари до зари, он быстро встал на ноги. Новая власть нашла на него управу, сослала в концлагерь, на Урал, где он принял смерть от голода.

Спешила за крестным ходом и, глядя вперед на людской поток, невольно думала: а ведь у каждого есть связующая ниточка с тем тяжким временем, куда мы заглянули сегодня, но не всякий осознает ее в своей жизни. Вдруг хлынул дождь. Обхлестал, замочил и будто бы сдался перед людским упорством в стремлении хоть чуточку, в самой малости прикоснуться в молитвенном почтении к святым, оставившим нам пример любви друг к другу, России, кротости и прощения врагов своих.

Полон был Никольский храм, что в центре города, когда крестоходцы вошли сюда на молебен. «...вы же, яко имущии дерзновение к прославившему вас Господу, ограждайте нас от всяких зол и бед молитвами вашими...», – читался акафист святым царственным мученикам и страстотерпцам, боговенчанному царю Николаю, царице Александре, царевичу Алексию, царевнам Ольге, Татиане, Марии, Анастасии, и даже самые маленькие, притомлённые с дороги, не нарушали слушание его на едином дыхании.

Людмила Гаргун